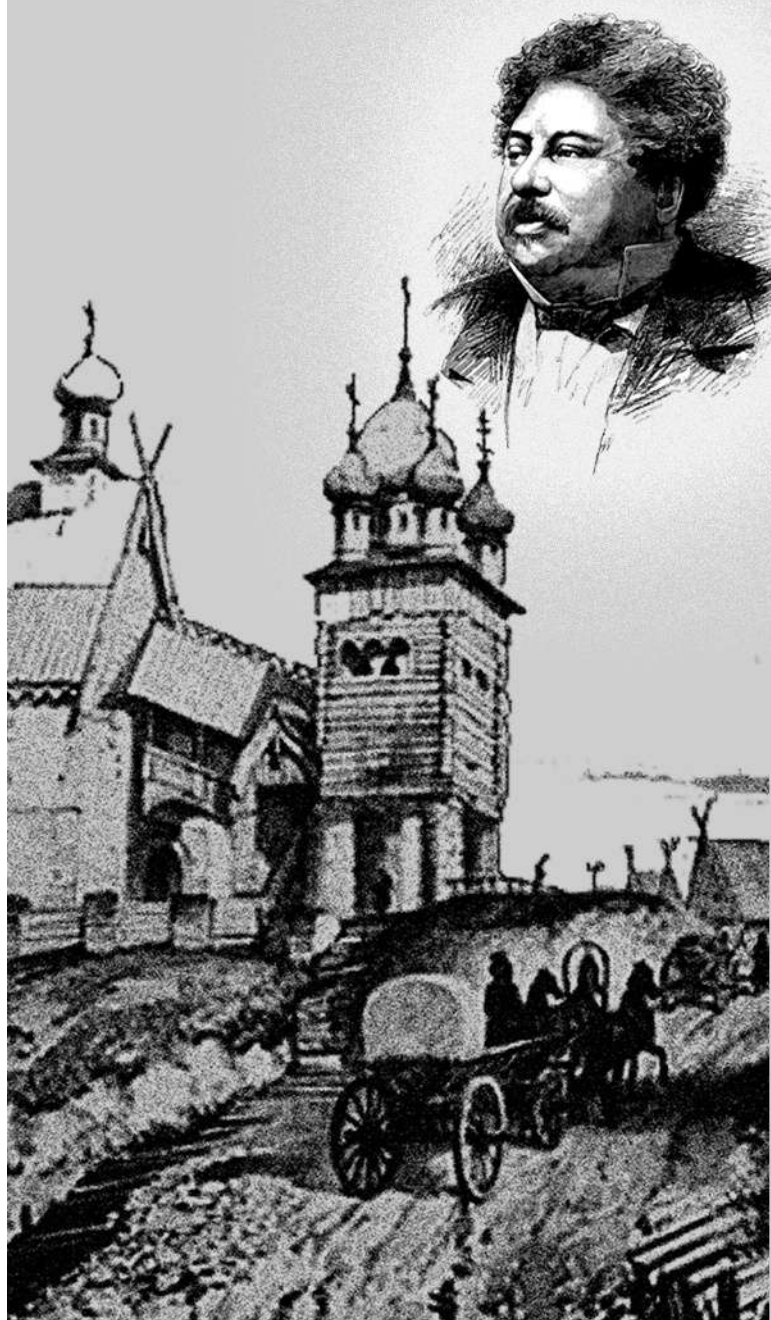

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ВОДНО-КОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕТЫРЁХ ФРАНЦУЗОВ В КАРЕЛИИ

Евгений ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск

Предисловие

Официально Александр Дюма приехал в Россию по приглашению известного мецената графа Кушелева-Безбородко. Своё путешествие, длившееся со второй половины июня 1858 по февраль 1859 года, писатель описал в семитомном сочинении «Впечатление о путешествии в Россию». Его писательское кредо гласило: *«Есть одна вещь, которую я совершенно не способен сделать: книга или драма о местах, которых я не видел».*

«Путешествовать, – считал Александр Дюма-отец, – это жить в полном смысле слова... Многие прошли до меня там, где прошёл я, и не увидели того, что увидел я, и не услышали тех рассказов, которые были рассказаны мне, и возвращались они, не наполнив своих рук тысячами поэтических сувениров, освобождённых порой с большим трудом от пыли прошедших столетий».

23 декабря 1811 г. Александр I издал указ о присоединении Финляндской губернии к Великому княжеству Финляндии. При этом название губернии снова было изменено на Выборгскую. Для русских путешественников Финляндия была неизведанным краем, который жил по своим законам и культурой, совершенно не похожей на русскую. В середине XIX столетия поездки в глубь Великого княжества становятся очень популярными среди петербуржцев. В журналах печатались очерки о княжестве, и количество желающих познакомиться со «страной полнощной» резко возросло. Многие путешественники выбирали маршрут, пролежавший через Ладогу и Валаам до Сердоболя и далее. Такой же путь выберет и Александр Дюма. *«Я не хотел посетить Санкт-Петербург, не увидев хоть краем глаза Финляндии... В самом деле, если вы взглянете на географическую карту, то Финляндия предстанет перед вами в виде огромной губки: дыры – это вода, а всё остальное – это топи»*, – напишет про увиденные финские земли Дюма.

Дюма добивался возможности поехать в Россию с 1840-х годов. Но его не пускали, так как он был автором запрещённого в России романа «Учитель фехтования», действие которого

происходило в России, а один из главных героев был декабрист, но многие читали его и передавали из уст в уста. Только в 1925 году в СССР выходит этот роман. Прототипами Луизы Дюпюи и Алексея Анненкова были француженка-модистка Полина Гебль и Иван Александрович Анненков, поручик лейб-гвардейского полка. Декабрист и участник восстания 1825 года на Сенатской площади, он был арестован и приговорён к двадцати годам каторги. Его жена Полина, как и многие жёны декабристов, последовала за мужем в Сибирь. После возвращения из ссылки супруги жили в Нижнем Новгороде. Только в 1858 году, после смерти Николая I, для Дюма открылась дверь в Россию. В октябре 1856 года Дюма приедет в Нижний Новгород, где на приёме, устроенном в честь него, Дюма впервые встретится с Полиной и Иваном Анненковыми, героями своего романа.

Мечты Александра Дюма о России

Успех Дюма у русского читателя был велик, и его любили. В тридцатых и сороковых годах переводы его романов и повестей не переставали появляться во многих журналах: в «Телескопе», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и др. В 1829 г. появилось и первое русское издание отдельного произведения Дюма – это был перевод драмы «Генрих III и его двор». За ним последовали отдельные издания повестей и романов. С 1829 года в петербургских театрах с успехом шёл спектакль «Генрих III и его двор». Великий актёр Василий Каратыгин играл роль герцога Гиза, а его жена, Александра Каратыгина, – герцогини Екатерины. Затем, после того как Каратыгин перевёл на русский язык «Антони», «Ричарда Дарлингтона», «Терезу» и «Кина», драматургия Дюма произвела в России настоящую литературную революцию. Русская актриса Александра Каратыгина (Колосова), в которую был влюблён в юности Александр Пушкин, рассказывая в своих «Воспоминаниях» о своём знакомстве с Дюма в Париже в 1845 г., пишет: «Со свойственной ему любознательностью расспрашивая нас [А. М. Каратыгина путешествовала со своим мужем, трагиком В. А. Каратыгиным] о России, Дюма высказывал давнишнее желание своё посетить нашу родину, взглянуть на обе столицы, на окрестности Москвы, на поле Полтавы [Бородину], но в особенности желал взглянуть на нашего императора».

Провожая Дюма в Россию, французский писатель Жюль Жанен, интерес к которому проявлял Пушкин, напутствовал его такими словами: «Мы поручаем его гостеприимству России... Поверь-

те, милостивые государи, что он станет рассказывать обо всём, что увидит и услышит, так мило, так безобидно, с таким тактом, с такими похвалами и с таким весёлым расположением духа. Он будет так доволен самим собою и в то же время всеми вами, господа. Он навезёт вам с собою столько прехитрых мыслей, столько дозволенных переворотов, столько веселости и живости, что с вашей стороны было бы преступлением, если бы вы не протянули ему дружеской руки».

Александр Дюма в Санкт-Петербурге

Итак, летом 1858 года Александр Дюма из Парижа по железным дорогам Франции, Бельгии и Пруссии совершил бросок в городок Штеттин. А оттуда под парами на пароходе «Владимир» пересёк Балтику, и 22 июня «Владимир» бросил якорь в Кронштадте, где путешественники перешли на маленький колёсный пароходик «Кокерилл», принадлежавший Кушелеву-Безбородко, он уже ждал их там. Пересадка с крупного парохода «Владимир» на пароходик «Кокерилл» была сопряжена с опасностью: ветер и волны, размеры судов, да ещё и таможенные сложности, из-за которых пришлось временно оставить весь багаж на «Владимире». А багаж у него был в 57 мест (!). Дюма пишет об этом: «Рядом с «Владимиром» «Кокерилл» выглядел ореховой скорлупкой, поэтому когда с одного корабля на другой перекинули мостик, то оказалось, что по крутизне он не уступает скату крыши парижской ратуши». Непокойное море тем временем превратилось в бурное. Но вот уже видны купола Казанского собора, Троицкой церкви и церкви Святого Николая. Оказывается, что просторная в своем устье Нева, куда вошёл «Кокерилл», в шесть раз шире Сены.

Отплытие Дюма с друзьями из Санкт-Петербурга в Карелию

Побыв несколько дней в Санкт-Петербурге и ознакомившись с его достопримечательностями, Дюма с друзьями отправился на север России. «Каждую неделю от Летнего сада отправляются два парохода на Шлиссельбург, Коневец, Валаам и Сердоболь. И нам предстояло проделать это путешествие... Мы отправились в путь 20 июля в 10 часов утра на обыкновенном пароходе, плывущем в верховья Невы со скоростью примерно 6-7 узлов в час. Наш караван состоял из 4-х человек: Дандрэ, Муанэ, Миллелотти и меня», – писал Александр Дюма.

Друзья Александра Дюма по путешествию по Карелии

Дандрэ, судя по имени, французского происхождения, молодой человек 25 – 26 лет, бросивший молодую жену и ребенка, чтобы последовать за графом Кушелевым. Он держал кассу, на нем лежали заботы о тратах, он следил за расходами и оплачивал все счета. Во время путешествия постоянно на всякий случай имел 100 тысяч франков на своё имя. Ведь никто не знал, что может случиться во время путешествия по России, короче, был и бухгалтером, и секретарём Дюма. Кроме этого, ему было поручено направлять действия курьера, который хлопочет насчет лошадей, когда Дюма прибывает на почтовую станцию, заботиться о местах в вагонах, если они едут по железной дороге, изыскивать каюты, если едут пароходом. Причем «это человек с необычайно тонким чувством юмора, темпераментный и блестящий рассказчик, неутомимый путешественник...»

А. Дюма в его поездке по России сопровождал и художник Жан-Пьер Муанэ (1819–1876 гг.), работавший до этой поездки в Париже. Он был учеником Л. Конье, хорошо рисовал, виртуозно владея карандашом. Его первые работы появились в Парижском салоне в 1848 г. Путешествие с Дюма дало ему известность, так как его русские и кавказские пейзажи и жанры, сделанные во время путешествия, долгое время (вплоть до 1874 г.) появлялись на парижских выставках и охотно раскупались. Шесть кавказских рисунков Муанэ хранятся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. А вот валаамские рисунки художника надо искать. А то, что он рисовал на Валааме, – несомненно. Ведь там рисовали многие известные русские художники.

Третьим в этой группе был итальянский певец Миллелотти, который всю дорогу пел, радуясь красотам Карелии.

Буря на Ладоге

Проведя свои религиозные обряды в Коневецком монастыре, паломники собирались делать то же в Валаамском. *«Едва мы прошли 4 или 5 миль, как оказались окутанными таким туманом, что перестали что-либо различать вокруг, – пишет Дюма. – Среди этого тумана раскатился гром, и озеро стало колебаться, как вода в котле над костром. Можно сказать, что буря была не в атмосфере, а в глубинах вод, которые, казалось, утратили*

охоту удерживать нас на своей поверхности». Как только капитан судна почувствовал удары яростных волн о борт, то вместо отдачи распоряжений принялся бегать из конца в конец судна, пугающе крича: «Мы пропали!» Слыша его вопли, все пассажиры, паломники и паломницы бросились ничком, стучая лбами по доскам палубы и крича: «Смилуйся над нами, Господи!» Только Дандрэ, Муанэ, Миллелотти и Дюма остались стоять на палубе, шатаясь из стороны в сторону.

«Туман сгущался, гром ужасно гремел, молнии казались какими-то мрачными, пробиваясь сквозь эти испарения. Озеро продолжало колыхаться, не столько от волн, сколько от некоего внутреннего кипения. Я видел 5-6 бурь, но ни одна не напоминала эту, – писал Дюма. – ...судно двигалось само по себе и направлялось куда хотело. Наконец, часа через два, когда все оставалось примерно в том же положении, капитану пришла идея поднять двух людей на мачту, чтобы воспользоваться первым же просветом в тумане. Не прошло и 10 минут, как послышалось нечто вроде галопа группы всадников. Это был поднявшийся ветер. Одним дуновением он разорвал, разбросал завесу тумана. Озеро предстало белым от пены, но раскрывшим свои самые далекие горизонты. Матросы сверху закричали: «Земля!» Все забежали. Капитан совершенно не знал, где мы находимся. Старый матрос объявил, что узнает Валаам. Взяли курс на остров».

Однако другим такая буря на Ладоге даже нравится. *«Великолепна буря на Ладожском озере, когда при ясном небе, при сиянии солнца порывистый ветер передвигает влажные холмы по поверхности глубокого, широкого озера. Эта необъятная поверхность вся усеяна холмами лазуревых цвета с белоснежными, серебристыми гребнями. Смятенное бурей озеро представляется одушевленным... Величественна буря на открытом озере; и у берегов она имеет свою красоту. Там свирепые волны – в вечном споре с ветрами, гnevаются, грозно беседуют между собою, а здесь они – в ярости на землю, с замыслом дерзновенным», – писал святитель Игнатий Брянчанинов.*

Александр Дюма на Валааме

Дюма так описывал Валаам: *«Тем временем мы довольно долго приближались и начали различать нечто вроде пролива, которым можно продвигнуться вглубь острова...»*

И они вошли в этот узкий пролив, где их судно

почти касалось прибрежных деревьев. На горе они увидели монастырь, к которому от берега вела гигантская лестница, а по ней поднимались и спускались паломники. Дюма почувствовал необыкновенную красоту Русского Севера. «Где ночь приходит сразу, где день – это вспышка огня, которая стремительно охватывает горизонт, страны Севера показывают с приходом или угасанием дня целую гамму тонов совершенной живописности и неопишуемой гармонии... Повсюду в других краях искал я эти мягкие нюансы, которые оставлены в моей памяти сумерками Финляндии, но я никогда их больше не встречал», – писал Дюма. Не один Дюма увидел такую красоту Валаама. «Остров Валаама, бесспорно, живописнейшее место старой Финляндии, – писал известный духовный писатель XIX века святитель Игнатий Брянчанинов. – Он находится на северной оконечности Ладожского озера. Подъезжаете к нему – вас встречает совершенно новая природа, какой не случалось видеть путешественнику лишь по России: природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостью своею, на которой проглядывают вдохновенные, строгие красоты... Вы видите огражденные отовсюду гранитными, самородными стенами заливы, в которых спокойно дремлют чистые, как зеркало воды, в то время как в озере бушует страшная буря...»

А вот как описывает свою встречу с Валаамом Иван Шмелёв: «Входим в пролив, двигаемся в отвесных скалах. На них, высоко, леса. Воздух смолистый, вязкий. И – тишина. Чувствуются лесные недра. Покой. ...Острый гудок катится по проливу. Отвечают ему леса и скалы. Влево, на отвесной скале, высоко, – собор. На голубых куполах, без солнца, кресты сверкают – червонным золотом. По высоченной скале лепятся клены, висят над фруктовым садом... Точками смотрят на парход монахи. На соборе благовестят к вечерне. Спускается по горе повозка. На деревянной пристани встречают богомольцы. Монахи-певчие выступили вперед и ждут...»

Александр Дюма и его друзья, ещё будучи на судне, заметили маленькую церковь; «всю в золоте и серебре, столь новенькую, что она казалась только что вынутой из бархатного футляра драгоценностью. Она возвышалась среди деревьев... Эта церковь – истинное сокровище, как по искусству, так и по богатству – создание лучшего, на мой взгляд, архитектора России – Горностаева. Это было первое за время моего пребывания в России сооружение, которое меня совершенно удовлетворило».

В 1852 году на юго-восточной стороне Валаамского монастыря построили обширную каменную гостиницу, имеющую 200 комнат со всеми удобствами, в которой, возможно, и остановились наши путешественники. «На Валааме есть особенный приют и для нищих, которыми богата эта часть Финляндии. Нищим дозволяется быть на Валааме в течение двоих суток и пользоваться трапезою, нарочно приготовляемою в их приюте, а на дорогу дают каждому два куса ржаного хлеба. И для этого-то подаяния стремится за сорок, за пятьдесят вёрст финляндец в монастырь Валаамский!» – писал святитель Игнатий Брянчанинов.

«Я совершил паломничество по Ладоге не в интересах религии, а в интересах совести», – напишет про Валаам Дюма.

Александр Дюма в Сердоболе

В пять часов пополудни парход отошёл от Валаама, про который Иван Шмелёв писал: «Куда ни пойдешь на Валааме – всюду встретишь, совсем неожиданно, крест гранитный или гранитную часовенку. Зайдешь далеко в лес. Дорога неведомо куда уходит... Забываешь, где ты... – и вдруг на повороте, под широкой елью, как под шатром, – часовня. А кругом первобытный лес. Хорошо здесь сидеть, подумать. Воистину, тишина святая...»

В пути между Валаамом и Сердоболем Дюма отпраздновал своё пятидесятилетие, помахав золотой церквушке Горностаева. Вернее, это была красивая, ажурно-воздушная, каменная Никольская церковь, построенная в 1853 году на средства купца Николая Солодовникова по проекту академика архитектуры А.М. Горностаева. На Валаам Дюма больше не вернётся никогда. «Паломничество на Валаам – не из числа тех, которые в своей жизни совершаешь дважды», – так считал Дюма.

Некоторое время они плыли среди островов небольшого архипелага, показавшихся им либо вовсе не населёнными, либо населёнными очень слабо. На рассвете их взгляд остановился на Сердоболе, расположенном на западном берегу Ладоги, и судно причалило к этому бедному финскому городку, построенному между двумя горами.

Сердоболь трижды менял своё имя и в разные века принадлежал: древним карелам, шведам, финнам и России. При шведах его называли Сордавалла, в составе Российской империи – Сер-

доболь, финны его величали Сортавала – это имя и закрепилось за ним, как и многие другие финские названия в этой местности. *«Сердоболь не явил собой ничего привлекательного, и потому у нас возникло желание покинуть его как можно скорее... Мостовые Сердоболя сразу же вызвали у нас сомнения в достоинствах дороги. Дабы не вылететь из телеги, я вцепился в Дандрэ»*, – так описывал Сортавалу Александр Дюма – финский в то время город, входивший в состав Великого княжества Финляндского, в котором жили в основном финны в количестве 600 человек. Все здания в городе были деревянные, скромный торговый порт, и не удивительно, что Дюма остался не впечатлен им.

Карьеры Рускеалы увидел Дюма

Но прежде чем покинуть город Сердоболь, Дюма, хотя и «испытывал антипатию к шахтам, карьерам и заводам», по настоянию друзей посетил мраморные карьеры Рускеалы. Императрица Екатерина II возводила дворцы один краше другого и за своё правление вывезла из Рускеалы более чем 200 тысяч тонн мрамора. Дюма захотел увидеть карьеры Рускеалы, поскольку именно отсюда главным образом добывался камень для Исаакиевского собора.

Расстояние от почтовой станции, где остановились путешественники, до каменоломни не превышало километра, и Дюма с друзьями пошли туда пешком. Шли полями, и в двухстах шагах впереди показался ослепительной белизны холм, имевший конусообразную форму и весь состоявший из мраморной крошки. Он был похож на большую кучу снега. Обогнав холм, они вышли на просторную площадку, которая была заставлена огромными мраморными глыбами кубической формы, приготовленными к отправке. Дюма, глядя на них, думал, какими средствами передвижения можно доставить эти громадные блоки к берегу озера? Станционный смотритель, который был их проводником, ответил, что для их перевозки дожидаются зимы, когда устанавливается санный путь. Глыбы настолько тяжелы, что поднимать их приходится с помощью домкратов и рычагов, потом грузить на сани и на санях доставлять на большие парусные суда, которые отвозят их в Санкт-Петербург. Пройдя метров пятнадцать по узкому ущелью, Дюма оказался в огромном четырёхугольном помещении, стены которого были высотой в сорок футов и в сотню шириною. И оно было совершенно пусто, а стены

были белее снега. В трёх километрах от этого карьера находился другой карьер, где добывался зелёный мрамор. Станционный смотритель хотел отвести их туда, но Дюма решил вернуться на станцию и заняться обедом. Был ещё третий карьер, где прежде добывался жёлтый мрамор: теперь он был заброшен и выглядел чрезвычайно живописно, поскольку зарос кустами ежевики и мхами, пришедшими на смену каменотёсам. Миллелотти, не проявлявший особого интереса к карьерам, удалился вместе с Дюма на станцию, Муанэ и Дандрэ продолжили путь. Дюма и Миллелотти благополучно нашли дорогу обратно и час спустя уже ждали Муанэ и Дандрэ, стоя у кухонной печи. *«На следующее утро мы отправились в Сердоболь и остановились там лишь для того, чтобы поменять лошадей... Мы выехали из Сердоболя вдоль дамбы, которая начинается у первых же домов города, слева у нас осталось озеро, а справа – гранитные скалы, изборозждённые продольными полосами...»* – писал Дюма.

Через три года после Дюма в эти места приедет химик Дмитрий Иванович Менделеев и напишет об этом 28 июня 1861 г.: *«Как встал – попил чаю, потом поел земляники, короб которой купил за 3 к. Чувствовал себя уже отлично, и весело так стало – недаром ездил. Погода прелестная. Должно быть, ночью дождь шёл, что всю дорогу пыли не было. Сходил на ломки серого мрамора – так около версты от гастгеберства. По боку, когда шли к ломкам, все мраморная гора. Обошли ломки и очутились в яме, сажень так с 10 будет. Внизу вода, вверху всё серый мрамор и груды щебня под ногами. Тот, который направо, мягок – ножом резать можно, а тот, что налево, твёрдый, красивый. Около жгут известку в грубых печах...»*

По сведениям Олонецкого губернского статистического комитета, ломки были открыты в 1757 году и принадлежали канцелярии Олонецких Петровских заводов, а в 1768 году переданы комиссии по строительству Исаакиевского собора.

Финский пастор С. Алопеус оставил в 1787 г. любопытное описание того, как мрамор на пути из «карельских ломок» к берегу Онежского озера не раз перетаскивался посуху, по перемычкам между речушками и небольшими озерами: *«Провоз камней сухим путем весьма дорог и затруднителен. Для оного делаются особливые сани из длинных и крепких берез. Коренья деревьев составляют передовые изгибы полозов. Оные столь крепко делаются и так обиваются железом, что могут держать до 1000 пудов и более. Встацив*

на такие сани мрамор посредством великих рычагов и воротов, столько запрягают лошадей, сколько для везения толикой тяжести потребно. Спереди саней пару сильных лошадей запрягают в оглобли, а после сих на толстых и на крепких канатах с дугами запрягают гусем от 10 до 80 лошадей, смотря по тяжести груза. Лошади, запряженные в оглобли, с помощью рабочих людей должны первые сдвинуть груз, потом весь ряд запряженных лошадей с криком погонщиков принимается вдруг и бежит в пол-рыси, покамест тяжесть не остановится. Тогда опять требуется великого труда привести оную в движение».

Судя по описанию Владимира Петровича Соболевского (1809–1883) – русского инженера, директора Института инженеров путей сообщения (1861–1882): «С половины декабря и до самого сгону снега отработанные куски перевозят на санях к берегу Ладожского озера. При перевозе мрамора ежедневно бывает занято от 500 до 2000 лошадей с таким же числом проводников. Под самый малый камень запрягают тройку, под большой 6 лошадей и т. д. Самые большие штуки возятся на 130 лошадях. Двадцать восемь вёрст пути от ломки до берега Ладожского озера возчики мрамора совершают обыкновенно в один день. Камень остается на берегу до открытия навигации; потом уже доставляют его к С.-Петербургу на галиотах, что весьма удобно, потому что многие суда приходят к Сердоболу нагруженные хлебом... а в обратный путь им очень выгодно нагружаться мрамором».

Почтовые станции и станционные смотрители

Бедность была вечным уделом станционного смотрителя. Сама обстановка его жизни говорила об этом. Вот дорожная зарисовка Ивана Аксакова (1844). «Дом станционного смотрителя был грязен, сыр и холоден, и хотя мы подкрепили себя вином и (извините уже) даже анисовой водкой и поставили самовар, но все-таки не было уютного и милого тепла».

В Карелии в то время одна станция сменяла другую, бесчисленные островки, разбросанные в мелких, но обширных озёрах, тянулись многокилометровыми архипелагами, несущими на себе дома и часовни, лавки и полуразрушенные замки. Вот как Дюма описывает эти почтовые станции: «Наконец, мы прибыли на почтовую станцию. Заметим, кстати, что только в России можно встретить эти станционные дома, одинаковые по виду, где держат лишь самое необходимое, но зато

всегда можно быть уверенным, что оно там найдется: две сосновые лавки, окрашенные под дуб, и четыре сосновых табурета того же цвета. Кроме того, вы увидите там большие стенные часы в футляре. Я забыл упомянуть ещё об одном обязательном предмете обстановки, предмете в высшей степени национальном – всегда разожжённом самоваре. Все это предоставляется вам бесплатно: у вас есть на это право, коль скоро вы едете на почтовых и, стало быть, являетесь лицом государственным. Но не требуйте другого, а именно пищи: об этом и речи быть не может. Если вы хотите есть – возите с собою еду, если вы хотите иметь постель – берите с собою тюфяк. В противном случае вам придется спать на одной из сосновых лавок, окрашенных под дуб. Они несколько жестковаты, но зато куда чище монастырских тюфяков».

Дюма на почтовой станции Отсойс

«Проехав пятнадцать вёрст и не увидев по дороге ничего примечательного, за исключением финских крестьянок, продававших превосходную землянику в корзинках собственного плетения, мы добрались до почтовой станции Отсойс; пара жареных цыплят, которых я позаботился захватить с собою из Сердоболя, свежие яйца и земляника, а затем чай и кофе со сливками составили превосходный обед».

Справка: Почтовая станция Отсойс или Отсойстенкзоля – фин. «деревня Косолапых» – населённый пункт, находившийся в 20 км к юго-западу от Сердоболя, на берегу залива Отсойстенлахти Ладожского озера, там, где теперь находится поселок Мейери (по разъяснению профессора Петрозаводского госуниверситета, доктора исторических наук Юрия Михайловича Килина, который разгадал сложную топонимику маршрута, которым Дюма следовал из Сердоболя в Санкт-Петербург).

«...На выезде из Отсойса мы вновь увидели Ладожское озеро, но вскоре оно скрылось из глаз, и дорога углубилась в необычайно живописную пересеченную местность; дорога эта почти на всем своем протяжении проложена между огромными гранитными скалами, которые кое-где стоят так близко друг к другу, что ширины ее хватает ровно для проезда одной телеги», – писал Дюма. Потом они ночевали на почтовой станции в Маасильте, что с финского переводится как «Земляной мост». Это селение, располагавшееся в 14 км к северо-востоку от Куркиёк. От Маасильты до Кроноборга – это шведское название

(с 1668 г.) старинного торгового селения Куркиё-ки (известно с 1396 г.), относящегося к Лахденпохскому району Карелии и расположенного на побережье Куркиёкского залива западного берега Ладожского озера, пейзажи были не особенно живописны. «Но, как только Кроноборг остался позади, снова появились гранитные скалы, принимающие самые причудливые очертания: при виде крутых откосов и глубоких лощин можно подумать, что ты въезжаешь в один из самых гористых кантонов Швейцарии. По правую руку от нас остались лежать два или три озера, которые блестели, словно зеркала из полированной стали, заключенные в рамы из зелени», – восторженно писал Дюма.

А вот не менее восторженно описала эти места в своих воспоминаниях Анна Керн: «Одна картина сменяла другую, и каждая в своем роде отличалась красотой. Тут являлась между скалистыми уступами мрачная пропасть, там овраг, увенчанный и усыпанный цветами и ягодами, а впереди нас, и сбоку, и над головами выдвигались и висели целые утесы. Так, по дороге гладкой, как стол, мчались мы, окрыленные радостными мыслями, упоенные красотами горной природы!»

А Дюма, миновав почтовую станцию Паксуялка, снова увидел Ладогу и по мосту въехал на островок, на котором был построен город Кексгольм.

Александр Дюма в Кексгольме

Справка: Кексгольм (фин. Кякисалми, с 1948 г. – Приозерск) – старинный укрепленный город на западном берегу Ладоги, в устье реки Вуоксы; известен с 1295 г. как новгородская крепость Корела; до нач. XVII в. столица Карельского княжества; в 1478 году Карельское княжество вместе с Новгородской землей включено Иваном III в состав Московского государства. В 1617 г., в соответствии с условиями Столбовского мира, был уступлен Московским государством шведам, давшим городу название Кексгольм («Кукушкин остров»), но в 1710 г., в ходе Северной войны, отвоеван русскими войсками.

Не всякий городок может похвастать такой богатой историей, как Приозерск в Ленинградской области. По преданию, под стенами старой крепости, которую на Руси называли Корела, в бою погиб легендарный Рюрик. Здесь бывал Петр I, служил Суворов, в застенках томились декабристы и семья Емельяна Пугачева. В крепости Корела содержались и декабристы: Вильгельм Кюхельбекер, Поджио, Вадковский, Барятинский. Удивительно: нахо-

дясь рядом, узники ничего друг о друге не знали.

Городок Кексгольм Дюма понравился, и он про него писал: «В Кексгольме мы провели полдня, отчасти из-за усталости, отчасти из любопытности; нас, следует признаться, пленила чистота улиц, застроенных по обеим сторонам деревянными домами, почти сплошь двухэтажными. Кексгольм, подобно Шлиссельбургу, в прошлом был шведской крепостью. Вы попадаете туда, преодолев широкий ров, над которым высится крепостная стена с бастиянами. Затем позади остаются две караульни: одна, кирпичная и уже развалившаяся, была построена ещё шведами, а другая, деревянная и пустая, датируется царствованием императора Александра; обе они своей разоренностью и заброшенностью придают крайне печальный вид всему этому сооружению, военная архитектура которого достаточно примечательна», – писал Дюма.

Старая крепость Кексгольма

«**М**ы пересекли всю крепость из конца в конец, ни разу не остановившись, поскольку с ней не связаны никакие исторические предания, и выехали к воротам, из которых открывался вид на озеро. Перед нами, на вершине островка, высился полуразвалившийся укрепленный замок. Некогда его соединял с крепостью мост, но замок разрушился, и было решено, что нет смысла поддерживать в надлежащем виде мост, ведущий всего лишь к груде камней; в итоге он и сам стал непригодным», – писал Дюма.

Справка: «Островком» Дюма называет бывший Спасский остров. На этом острове и находилась крепость Кексгольма, сооруженная в XVI в., перестраивавшаяся в XVII-XVIII вв., в 1888 г. превращенная в психиатрическую лечебницу, в 1918 г. ставшая полковой казармой, а с 1945 г. занятая военным санаторием.

Осмотрев крепость и назвав её «замком», Дюма предположил, что тут должен быть тайный подземный ход и замученные неизвестные узники. Автор истории о «Железной маске», возможно, и здесь искал сюжеты для новых романов. Увы, не нашёл... «Наш проводник, которого я замучил расспросами, решил было начать рассказ про какого-то государственного преступника, умершего после долгого заточения в этой крепости во времена шведов, но в памяти славного малого царил такой туман, что вскоре я отказался от надежды что-либо уяснить себе в его повествовании. Он утверждал также, что слышал от своего

отца, будто под башней крепости находятся обширные подземелья и множество тюремных камер, которые тот обошёл и осмотрел и в которых ещё сохранились железные кольца, цепи и орудия пытки... Мы переночевали в Кексгольме, и должен сказать, что кровати, а точнее, диваны на постоялом дворе были такими, что я с сожалением вспоминал о лавках на почтовой станции», – писал Дюма.

Переправа через лагуны

На другой день Дюма с друзьями, отъехав немного от Кексгольма, встретили лагуны, образованные большим озером Пихлаявеси. Лагуны были прорезаны проточными водами реки Хаапавеси. Они встревожились, не зная, как преодолеть на телеге эту водную преграду протяженностью в два километра, про которую их не предупредил станционный смотритель. Но тут, как в сказке, хлопнула дверь и из сарая вышли шесть человек; четверо ухватили их лошадей за поводья, двое прыгнули на плот и подогнали его к самому берегу, а затем, не позволив Дюма и его друзьям сойти с телеги, втолкнули её на плот. Всё это было сделано так быстро, что на какое-то мгновение они едва не опрокинулись в воду. Но паромщики восстановили равновесие плота и, оттолкнувшись от песчаного дна баграми, заставили плот двигаться вперед достаточно быстро, несмотря на течение. Они плыли мимо бесчисленных островков, разбросанных по этому своеобразному озеру, на которых виднелись дома, амбары, церкви. На других высились укрепленные замки с массивными башнями по бокам, увенчанными зубцами. Через двадцать минут плавания на плоту они оказались на противоположном берегу озера. Плата за это красочное плавание составила один рубль. Покинув лагуны, они снова поехали лесом. На отдельных участках леса, который был уничтожен пожаром, была пашня, и на ней колосилась пшеница.

И опять почтовые станции на пути к Санкт-Петербургу

К XVIII в. на территории Олонецкого наместничества действовали почтовые станции, в середине XIX века были организованы и земские станции. Они обслуживали интересы губернского или уездного земства. Согласно правилам содержания станции, при ней должно было быть положенное число лошадей, здоровых и обьежен-

ных, получающих полноценный корм. Летом для проезда предоставлялись просторные тарантасы на 4 дрожках, зимой повозки с деревянными отводами и железными подрезами. Для езды на одноконной подводе использовались четырёхколёсные тележки либо двухколёсный кабриолет, зимой – обыкновенные санки. Содержателям станций и их служителям вменялось в обязанность обходиться с проезжающими вежливо и удовлетворять их законные требования. Во время следования ямщики должны были быть одеты в длинные чёрные, русского сукна кафтаны, с круглой медной бляхой на шляпах с изображением на ней герба Олонецкой губернии и надписью: «Олонецкое земство». Во время пути с проезжающими ямщиками воспрещалось курить табак. В темные ночи содержатель должен был встречать и провожать проезжающих с фонарями. У входа в дом станции должна была быть прибита доска с наименованием станции – «такая-то Олонецкого губернского земства».

Анна Керн, посетившая незадолго до Дюма эти почтовые станции, а именно 28 июня – 1 июля 1829 года, так их описала: «На весьма ветхой станции чухонской постройки спросили мы самовар и велели достать чего-нибудь на ужин, приготовить его брались уже мы сами. Но – вообразите себе! – ничего не отыскалось нам на пропитание: ни курицы, ни даже одного яйца! По двору прохаживался весьма старый петух, но его мы не попытались добыть на жаркое; жаль было этой единой живой птицы. На все же наши вопросы касательно других съестных припасов нам говорили – нет: яиц – нет, курицы – нет, молока – нет, сливок и подавно нет. Оказалась только плоховина (это, извольте видеть, рыба лоховина) и нечто вроде кваса, свадрик».

А вот что увидел Дюма: «Подъезжая к почтовой станции Нойдерма, мы увидели финок в поразивших нас национальных нарядах. Наряд этот состоит из синей юбки, обшитой снизу широкой пурпурной каймой, белого казакина, плотно облегающего стан, и, наконец, завязанного под подбородком красного платка, обрамляющего лицо. Этот головной убор идёт красоткам, но сильно уродует дурнушек».

Дюма на водопаде Иматра

После почтовой станции Кивиниеми, что с финского переводится как «Каменный мыс», Дюма с друзьями выехал к реке Вуоксе, которая выше по течению образует знаменитый водопад

Иматра. Он образовался примерно 4500 лет назад, когда водные массы озера Саймаа пробили цепь гор и образовали реку Вуокси, она течёт в Ладожское озеро. На этом водопаде до Дюма побывали: в 1772 г. Екатерина Великая, а летом 1829 года – Анна Керн в компании друзей: Ореста Сомова, барона Дельвига и «известного любителя музыки» Фёдора Глинки. Глинка во время этой поездки запомнил своеобразный мотив, который напевал извозчик-финн, и эта тема впоследствии послужила Глинке основой для баллады Финна в опере «Руслан и Людмила».

Этот водопад Анна Керн в своих воспоминаниях описала так: *«Представьте себе широкую, очень широкую реку, то быстро, то тихо текущую, и вдруг эта река суживается на третью часть своей ширины серыми, седыми утесами, торчащими с боков её, и, стесненная ими, низвергается по скалисто-крутому скату на пространстве 70 сажен в длину. Тут, встречая препятствия от различной формы камней, она бьется о них, бешено клубится, кидается в стороны и, пенясь и дробясь о боковые утесы, обдаёт их брызгами мельчайшей водяной пыли, которыми покрывает, как легчайшим туманом, её берега. Но с окончанием склона оканчиваются её неистовства: она опять разливается в огромное круглое озеро, окаймлённое живописным лесом, течёт тихо, лениво, как бы усталая; на ней не видно ни волнения, ни малейшей зыби...»*

Вечером, когда взошла луна, Анна Керн с друзьями, наняв тележку, вернулись к берегам водопада. Луна выбралась из облаков, осветила кипящие, бушующие волны Иматры! Сама Иматра, осеребренная её лучами, казалась чем-то фантастическим; невозможно было оторвать от неё глаз! Они долго ходили по тропинке, усыпанной песком и грациозно извивающейся между деревьев, над kloкочущей пучиной, которая манила некоторых из них броситься в бездну, в которой якобы живёт русалка. *«Сильнее других бездна манила к себе Ореста Михайловича Сомова; отдаляясь от нас, он распростёрся на одном из выдавшихся утесов и так долго на нём забылся, упиваясь росой и обаянием чарующих волн, что мы насилу могли его дозваться»*, – писала Анна Керн.

Стадо свиней, которых Дюма принял за кабанов

Чем ближе мы подъезжали к Магре, тем чаще нам стали попадаться стада диких свиней. Вначале, увидев таких свиней в лесу, Дюма при-

нял их за кабанов, устроивших там лежбище. Он остановил телегу и уже собрался пристрелить одну, но увидел, что голову её охватывает треугольное ярмо из трёх деревянных палок, связанных у концов: вероятно, оно мешало ей проникать в обнесенные оградой угодья. Через несколько вёрст свиньи стали встречаться так часто и вели себя так вольготно на дороге, что вознице приходилось сгонять их с середины дороги кнутом. Они, видимо, питали расположение к такого рода местам, и причиной тому был дорожный гравий, более теплый, чем лесной мох, хотя и не такой мягкий. Если бы не осторожность, которую проявлял наш возница, мы определенно могли бы раздавить кого-нибудь из этих свиней.

После последней перед Санкт-Петербургом почтовой станции Кюлянтко дорога раздваивается: направо на Выборг, налево – в Санкт-Петербург. Вскоре Дюма пересек Большую Невку по монументальному мосту, построенному в 1811 году испанцем Бетанкуром. Далее Дюма проехал через Аптекарский остров, а затем, миновав небольшую речку Карповку, по Петербургскому острову въехал в Санкт-Петербург.

Эпилог

«Я не знаю путешествия более лёгкого и приятного, чем в России», – написал Александр Дюма после более чем полугодовой поездки по российским просторам.

Почему из Карелии в Санкт-Петербург Александр Дюма возвращался на лошадях, ведь в это время уже ходили поезда? Да, ходили, но до начала 1916 года Петрозаводск, как административный центр Карелии, оставался едва ли не последним в России губернским городом, не соединённым с железнодорожной сетью. Более половины поселений соединялись пешеходными тропами и зимниками, а с закрытием навигации край на долгие месяцы оставался отрезанным от основной части России. Только в конце января 1916 года в административный центр губернии прибыл первый товарно-пассажирский поезд из Санкт-Петербурга. 31 июля 1858 года Дюма с друзьями вернулись из путешествия по Карелии и стали собираться в Москву, но туда они поедут уже поездом и доберутся за 26 часов.

Остается добавить, что в 1858 году Александр II посетил Петрозаводск необычным для государя образом – на пароходе «Ильмень». К его приезду глава города Н. Ф. Пикин так умело распорядился средствами, выделенными на ремонт городской

пристани, что было сэкономлено 7 тысяч рублей и был наведён порядок на улицах. Император, оставшийся довольным состоянием города, выразил ему Высочайшее благоволение «за замеченный порядок и чистоту». Затем Александр II проследовал по реке Свирь и по Ладожскому озеру в Лодейное Поле, где его встречала государыня императрица Мария Александровна со всей августейшей семьей, прибывшей из Петербурга на паровой яхте «Александрия» в сопровождении паровой яхты «Стрельна». А в 1861 году был дан старт регулярным рейсам между Петрозаводском и столицей русской Империи через Ладожское озеро.

Справка: С 1850-го пароходы ходили сначала один раз, затем два раза в неделю. Стоимость поездки в конце 50-х годов составляла примерно 20 – 25 рублей, что было недорого. На судах были каюты и места для пассажиров 2-го и 3-го класса. Как писал один из паломников: «Кое-кто спал, завалившись под полушубок или рогожу на носовой половине палубы и под енотовые шинели и шубы на кормовой её половине. Работал буфет, а в кормовую каюту лакей мог принести ...зелёные щи, микроскопической величины благодетельные бифштексы и жареного цыплёнка, разбитого пополам...» Для жителя Петербурга подобное путешествие было восхитительным, особенно при воспоминании о возможной тряске в дорожных тарантасах. «И земным раем кажется тогда всякий пароход, пусть даже под вашим носом будут расставлены кадушки с сельдями, с маслом».

Источники

1. Костяшкин Н. А. «Кирияж. Александр Дюма-отец на Валааме».
2. Дюма-отец Александр. «Путевые впечатления. В России». Части 1,2.
3. Кривцов Никита Владимирович. «Русская Финляндия».
4. Керн (Маркова-Виноградская) Анна Петровна. «Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке».
5. Родченко Игорь Григорьевич. «Культура Валаамского монастыря в середине XIX века».
6. Святитель Игнатий (Брянчанинов). «Аскетические опыты» (Том Шмелев И.С. «Старый Валаам»).
7. Андрей Глебович Булах. «Каменное убранство Петербурга».

Выделения в тексте автора

Евгений ТАТАРНИКОВ

родился в Удмуртии в 1959 году.

В 1982 году окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана.

Подполковник милиции в отставке.

Печатался в журналах: «Южная звезда», «Традиции и авангард»,

«Истоки», «Бийский вестник», «Царицын», «Литкультпривет»,

«Автограф», «Чайка» (США), «Великороссы»,

«Александръ», «Камертон»,

в газетах «День литературы», «Российский писатель»,

в историческом журнале «Суждения», альманахе «Гражданинъ»,

3 место в литературном конкурсе имени С.Н. Сергеева-Ценского-2021,

лауреат «Золотое перо Руси-2022».

